

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09-1+929Фет

«ДНЕПРОВСКИЕ РУСАЛКИ» А.А. ФЕТА: ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ (к вопросу о фетовском фольклоризме)

Т.Г. Фирсова

Педагогический институт Саратовского государственного университета,
кафедра начального языкового и литературного образования
E-mail: tan-firsova@yandex.ru

Статья представляет собой первую попытку комплексного анализа либретто А.А. Фета «Днепровские русалки». На основе сопоставления фетовского текста с произведениями О.М. Сомова, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя доказывается его фольклорный генезис. Главное отличие Фета от предшественников – разработка демонологических персонажей (семья русалок, жених-мертвец, водяной, леший) на основе поэтических образов славянской мифологии, широкого материала народной прозы.

Ключевые слова: фольклоризм, фольклоризм А.А. Фета, либретто, русалка литературная, русалка фольклорная, народная проза, быличка (бывальщина), демонологические персонажи.

“Dnieper Mermaids” by A.A. Fet: Sources in Literature and Folklore (on the Problem of Fet’s Folklore)

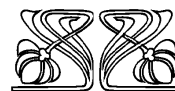
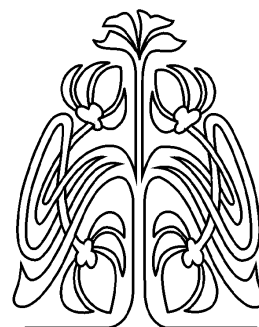
T.G. Firsova

This article is the first attempt to do a complex analysis of A.A. Fet’s libretto “Dnieper Mermaids”. Fet’s text proves to be of folklore origin when comparing and contrasting this text with those by O.M. Somov, V.A. Zhukovsky, A.S. Pushkin, M.Y. Lermontov, N.V. Gogol. The main difference of Fet’s text from his predecessors’ is the elaborate system of demonistic characters (the mermaid family, the dead fiancé, water goblin, wood goblin) derived from Slavonic mythological poetic images, wide range of folklore prose material and culture.

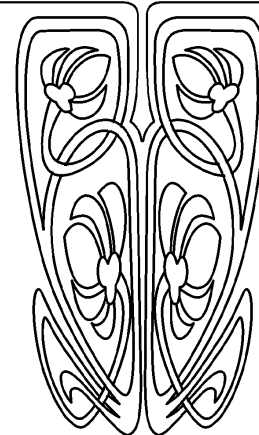
Key words: folklore, Fet’s folklore, libretto, literary mermaid, folklore mermaid, folkloristic prose, bylichka (byvalshchina), demonistic characters.

Либретто А.А. Фета «Днепровские русалки» впервые было опубликовано М.Д. Эльзоном в 1989 г. на страницах журнала «Русская литература»¹, потом вошло в 20-томное собрание сочинений и писем, которое представляет собой первую попытку издания наследия поэта с возможной полнотой². Список с указанием «Слова Фета» хранится в Музее А.А. Бахрушина (ЦГТМ. Ф. 572. № 14153) в специальном собрании произведений этого жанра. Текст сопровождается режиссерской разработкой «Замечания насчет постановки на сцену драматического музыкального произведения». Сведений о реализации замысла исследователям не удалось обнаружить. Несмотря на то, что полные инициалы под списком отсутствуют – текст подписан А.Ф. – представляется справедливым мнение М.Д. Эльзона об авторстве Фета. Сам поэт настойчиво просит И. Введенского: «Да главное дело ни под каким видом не разбирай “Лирического Пантеона” как сочинения Фета, а просто А.Ф., равно как и эти стихи пусть переводит А.Ф., а не Фет. Слышишь, не упрячься, зачем вредить себе необдуманно»³.

Создавая летопись жизнедеятельности А. Фета, Г.П. Блок отмечает: «С величайшей настойчивостью Фет требует (в трех письмах подряд) сохранения в тайне его имени. Не юношеской застенчивостью продиктовано это требование (точно так же, как не обиходная приверженность к литературной “фирме” заставляла впоследствии старого Шеншина

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

сохранять за собой в печати ненавистную фамилию Фета). Это была одна из оград поэта, воздвигнутая сознательно и мудро. Над головой прохожего ветви в белых цветах – корни за оградой, глубоко в земле»⁴. Авторство Фета М.Д. Эльзон подтверждает и дошедшими до нас сведениями об опытах молодого поэта в драматическом роде. Так, из биографии А. Фета известен факт написания водевиля для бенефиса М.С. Щепкина (декабрь 1840 г.). Г.П. Блок указывает в своей работе: «Сочиненного Фетом водевиля найти не удалось. Ни в Центральной библиотеке Русской Драмы, ни в Цензурном архиве его нет ни в печатном, ни в рукописном виде. А судя по тому, что не значится он и в “Реестре рукописей и печатных книг”, в котором отмечены драматические произведения, просмотренные Петербургской театральной цензурой в 1841 году, вернее всего думать, что Введенский с цензурой по поводу этого водевиля вовсе не сносился»⁵.

Дата написания либретто подтверждается упоминанием в одном и том же письме Фета к И.И. Введенскому от 22 декабря 1840 г. водевиля для бенефиса Щепкина⁶ и неизвестного произведения, условно называемого «Нимфами». Из данного письма следует, что поэт считал «Русалок» «одним из лучших своих произведений» и что оно было уже давно у Иринарха, который предпринимал в отношении его какие-то шаги. На основании письма сочинение Фета можно, скорее всего, условно датировать 1839-м годом, то есть до отъезда в январе 1840 г. И. Введенского из Москвы в Петербург.

Литературная основа фетовского текста вне сомнений. Как отмечает Э.В. Померанцева, «корнями своими образ русалки восходит к древним верованиям, однако укреплен и уточнен в представлениях человека не мифологическими рассказами, а профессиональным искусством – живописью и литературой»⁷.

Произведение А. Фета гармонично продолжает традиции предшественников: О.М. Сомова, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя. Вслед за А.С. Пушкиным и в отличие от других авторов А. Фет создает образ русалки, используя поэтические формулы, концепции и представления низшей славянской мифологии.

Интересно, что к этому персонажу быличек автор идет через освоение европейской культуры, отбрасывая все «чужеродное». В своем произведении поэт использует различные наименования обитателей водной стихии: «наяды», «ундины», «русалки», а первоначальным заглавием текста было «Нимфы».

С одной стороны, эти понятия выступают в сочинении А. Фета тождественными, что вполне оправдано, ведь «русалки – это были русские нимфы и наяды»⁸.

С другой стороны, можно разграничить употребление поэтом этих терминов. Наядами

автор называет русалок в ремарке («Пение наяд на воде»). Согласно мифологическому словарю, «наяды – хранительницы вод и обладают благодетельными функциями. Есть наяды – целительные и врачующие. Воды источников, где обитали наяды, имели очистительные и прорицательные функции и даже обладали способностью даровать бессмертие, счастливое существование»⁹. Героини Фета – существа, дарующие благодать, душевное исцеление, жизнь после смерти, наполненную «счастьем». Они призывают покинуть этот «душно-зловонный мир» и отправиться вслед за ними:

Спеши! К нам, подруга, на голос приветный,
Сквозь зелень осоки, не бойся, вперед!
Земля ваша счастьем скудна, безответна,
А полное счастье в избых лишь живет¹⁰ (С. 398).

Наименованием «наяды» поэт подчеркивает высшие функции данного демонологического образа: способность увести от земной суеты, роль оберега, невинность их положения как пленниц омута.

Вместе с тем уже в «Словаре русских суеверий» М.Д. Чулкова отмечена принадлежность русалок к категории «дьяволов»: «Русалки – дьяволы женского рода, живущие в горах, в реках и болотах»¹¹. Именно с этим определением и соотносится образ русалок в сознании одной из девушек:

Сестра, дорогая, не слушай ундин,
Вся нега подводная – призрак один.
На лоне спокойном таинственных вод
Волна нас охватит и вглубь унесет. (С. 398).

Употребление слова «ундины» предстает в данном случае целесообразным, ведь «именно ундины своим пением и красотой увлекают путников в глубь, могут погубить их или сделать возлюбленными в подводном царстве»¹². Русская русалка ассимилирует эти разнородные функции наяд и нимф.

По народным представлениям, русалками становятся женщины, умершие неестественной или преждевременной смертью, чаще всего утонувшие или скончавшиеся до брака девушки, а также проклятые, мертворожденные или некрещенные дети. В Полесье о русалках говорили так: «Как утонет девушка, то уже русалка. Выходит в жите красоваться перед Купалой»; «Русалка – это девушка, которая утопитя от любви. Она на Русальной неделе и превращается в русалку, чтобы любимого увидеть»; «Если девушка свадьбу не сыграла и умрет ... обрученная умрет, то русалка будет». А вот как думают на Севере: «У нас говорят, что русалки – это девушки, умершие перед самой свадьбой. Вот они и томятся всю жизнь и людям мешают»; «Русалки в реках и сейчас есть, в русалку обращается, говорят, проклятый человек»¹³.

Героиня А. Фета – Людмила – становится русалкой, будучи незамужней девушкой. Поэт

не разрабатывает на страницах произведения причину ее превращения. Людмила просто переходит из одного мира в другой, из реального – в фантастический, потусторонний:

Людмила очутилась
С подружками в реке,
Царит, как прежде в замке
Царила, в тростнике (С. 402).

Интересным представляется тот факт, что Людмила, обитая в замке, губила своих возлюбленных, обрекала на смерть тех, кто осквернит чувство любви:

О, что за демон! В красе неземной
Навек обреченный погибел злой,
Кто чувство святое любви осквернит,
Навеки проклятье того поразит (С. 401).

«Приют» возлюбленные находят в водах Днепра:

В волнах Днепра качался
И к югу плыл мертвец (С. 401).

Данные подробности делают возможным предположение, что Людмила в земном царстве была ведьмой, ведь, согласно фольклорным данным, слова «ведьма» и «русалка» имеют один корень «мара»¹⁴. Составитель сборника «Народная проза» С.Н. Азбелев приводит народное предание «Марина – русалка» (№ 291). Главная героиня – Марина – прежде чем стать русалкой, была ведьмой: «Недалеко от Курчавого жила молодая вдова Марина. Год, почитай, она жила с мужем и, поговаривали, извела его <...>. Только что узнала Марина (что ее любимый решил жениться. – Т.Ф.) – начала колдовать и чего только не делала, по рассказам, так индо ушеньки вянут»¹⁵. Очевидны сходные мотивы данного предания и либретто А. Фета: и Людмила, и Марина обладают прекрасной внешностью, губительными колдовскими чарами, «изводят» мужчин, обе потом становятся русалками. Что примечательно, обе героини живут на речных обрывах.

В народных представлениях внешность русалок рисуется противоречивым образом. С одной стороны, они обладают вечной юностью и красотой, не отличающейся от красоты земных девушек, а с другой – «русалка, вроде, женщина старая, старуха, такое оборванье усе <...>. Така старэнька, страшненька, кудлата як ведьма»¹⁶. Внешний образ Людмилы строится на традиционном для поэтики романтизма и для русского песенного фольклора приеме сравнения человека с природными элементами. Ее глаза – «две звездочки», на губах – «румянец свежей розы», кудри – «как сумрак ночи волною до плеча», кожа – «как пред зарею в ночи упавший снег», и вся, «как полдень мая нежна и горяча». Это романтический идеал юной девушки, опоэтизированный образ¹⁷.

Ведьмовское начало фетовской русалки проявляется и в том, что ее красота так же губительна, как и прекрасна:

Рыбак, пастух и воин,
Не в силах превозмочь
Желанья, шли в тот замок
Вкушать блаженства ночь.
Но только звезд последних
Бледнел златой венец,
В волнах Днепра качался
И к югу плыл мертвец (С. 401).

Красота Горпинки О.М. Сомова, «ясной панночки» Н.В. Гоголя, пушкинской Русалки губит их, а красота Людмилы А. Фета губительна для окружающих.

Жизнь Людмилы после перехода в иное «царство» также подчиняется общефольклорным представлениям об устройстве русалочного мира. А.Н. Афанасьев отмечает: «Водяны (русалки, обитающие в реках, озерах и колодцах) любят селиться общинами, семьями»¹⁸. Уместным, с этой точки зрения, представляется вопрос одной из девушек: «Скажите, кто знает русалок семью?» (подчеркнуто. – Т.Ф.). Вместе с этим жизнь русалок подчиняется и властной иерархии: Людмила живет с подружками одной общиной, но она царица¹⁹:

И много жертв сманили
В пучину за собой
Днепровские русалки
С царицей молодой (С. 402).

Суеверные крестьяне утверждали, что «старшая над русалками называется царицей и назначается водяным начальником русалок из их же среды. В Воронежской губернии народ верит, что без позволения царицы русалки не могут не только погубить, но даже испугать человека»²⁰.

Людмила царит в подводном замке, наличие которого у русалок отмечено в фольклорных источниках. Так, А.Н. Афанасьев писал: «По одним из поверий, у них (русалок. – Т.Ф.) есть хрустальные подводные чертоги²¹, замки, блестящие внутри серебром, золотом, алмазами, яхонтами, жемчугом, разноцветными раковинами и кораллами; дневное светило сияет и светлые волны с шумом катятся через прозрачные кровли и стены этих роскошных замков»²². Любопытно поступает А. Фет с земным жилищем Людмилы, замок просто перемещается вместе с хозяйкой на дно реки, ведь:

С зарею все исчезло
На склоне сонных гор,
И где белел там замок –
Один синеет бор.
И где стоял тот замок,
У той скалы крутой,
Днепра сильнее ропот
И волн страшной прибой (С. 402).

Подобным же образом решает данную ситуацию Н.В. Гоголь. Дом молодой панночки переходит в иной мир вместе с хозяйкой. Можно предположить, что замок как место «земного» пре-

бывания Людмилы поглощается водной стихией именно потому, что он никогда не существовал в реальности, а только был результатом колдовских чар хозяйки. Когда Людмила исчезает, ее колдовство тоже теряет силу.

Таким образом, портрет Людмилы является результатом гармоничного переплетения фольклорных представлений о том, кто становится русалками и как они выглядят. Но вместе с этим имя «Людмила» – явная аллюзия на одноименную, ориентированную на немецкую традицию балладу В.А. Жуковского (1808 г.), с которой «Днепровские русалки» имеют прямое родство, хотя и не повторяют в точности ее сюжетных ходов. Это накладывает на облик Людмилы балладный отпечаток: она – героиня «страшной повести» (подчеркнуто авт. – Т.Ф.) – «цвела красою, полна волшебных нег». Балладность, чудесная фантазия в облике Людмилы «идет из народной мифологии, от которой, однако, откинута ее “простомыслие”, оставлено же то, что в ней было и есть поэзия»²³. Людмила воскресает «царицей русалок» – это чудо, но чудо входит в жизнь, опираясь на ее законы. С целью раскрыть эту двойственную сущность героини, А. Фет выстраивает либретто как «рассказ в рассказе». Такой тип композиции в разработке русалочьего образа уже встречался в русской литературе. Например, тождественно построена повесть Н.В. Гоголя «Майская ночь, или утопленница» (1831 г.). Рассказ охотника, повествующего о Людмиле на фоне утреннего леса, напоминает рассказ Левко о «молодой панночке», органично входящий в произведение.

«Страшная история» о судьбе Людмилы строится по законам балладного жанра. Ей свойственны сюжетная сжатость, концентрация содержания вокруг одного эпизода из жизни персонажей, дискретность повествования, драматический характер содержания, мотив «страшной» фантастики, возможность с большей полнотой и притом с большей сосредоточенностью выявить глубину сердца.

Художественное пространство в либретто А. Фета соответствует народному мировосприятию. Авторы исследования «Языческая мифология славян» – Т.А. Волошина и С.Н. Астапов – отмечают: «В восточнославянском фольклоре XVII–XIX вв. наибольшее число легенд и преданий связано с днепровскими русалками²⁴. Эти коварные существа зажигают ночью по северным берегам Черного моря огни на курганах, чтобы заманить к себе путников, а потом сбросить их с высокой кручи в днепровские пучины»²⁵. Другой источник указывает, что предания о днепровских русалках относятся к наиболее древним упоминаниям об этом образе русской демонологии. «Если речные нимфы в Германии, Польше и Литве получили свое название от рек, то из сего должно заключить, что и русалки получали название от рек, им соименных, и что русалки, как русские нимфы, более известны на юге и западе России.

Так, впадающая с правого берега в Днепр река до сих пор именуется Русою»²⁶. Героиня А. Фета, ставшая русалкой, живет

Там, где Днепр глубокий
О дикий берег бьет...
Как будто бы враждуя
С упрямою скалой,
Под нею, слышно, омут
Сам вырыл водяной (С. 400).

Автор вводит в свое произведение днепровский омут, пучину, известные в народных представлениях и рассматриваемые как локусы.

Излюбленное место пребывания народных и фетовских русалок – поверхность воды и лес. В связи с народными верованиями, лес занимал особое место в системе обрядов Русальной недели. «В четверг на зеленой, или Троицкой, неделе девушки и даже женщины, боясь прогневать русалок, чтобы они не испортили скотины, не работают, называя этот четверг «велик день для русалок». Взрослые девушки в этот день плетут венки и бросают их в лесу русалкам, чтобы они добыли им суженых и ряженных»²⁷. Возможно, этот обряд стал объяснением тому, что делают фетовские героини-девушки в «приюте прохлады лесной». Характерно, что охотники встретили «красавиц пленительный рой» (подчеркнуто авт. – Т.Ф.). Словарь славянской мифологии указывает: «Летом, начиная с Троицына дня, ни одна девушка не решится одна, без подруг, пойти в лес, опасаясь попасться русалкам: увлекут с собой, сманят – домой больше не воротится»²⁸. Данная коллективность являлась своеобразным оберегом от русалок: девушки вместе гадали, вместе плели венки и хором пели.

Традиция пения в комплексе русалочьих обрядов раскрывает двойственное значение строки А. Фета: «Когда леса полны напевом». С одной стороны, леса наполнены пением птиц, а с другой – мотивами лирических песен, исполняемых девушками. Интересно, что в лирических песнях данного обрядового цикла фигурируют и сами русалки²⁹.

Художественное время фетовского произведения воспроизводит народные представления о Русальной неделе. Согласно исследованию А.В. Терещенко, «важнейшая особенность русалок – сезонная ограниченность их пребывания на земле. До Троицына дня русалки живут в воде, а с Троицы до Петрова поста выходят из воды и обитают в лесах и на деревьях. Именно поэтому неделя до или после Троицы во многих местах называлась Русальной»³⁰. Эта особенность часто фигурирует в народных быличках: «На Троицу русалки выходят. Русалки встают в четверг перед Троицей. После обеда в четверг уже встают русалки»; «С четверга перед Троицкой неделей до следующего четверга целую неделю уже русалки ходят»³¹. В это время нельзя купаться и стирать, чтобы не было утопленников в семье»³².

В сочинении А. Фета русалки пребывают на земле, когда все цветет, вся природа «полна живительного счастья»:

На солнце в утреннем дыханье,
В отрадном трав благоуханье
Минуты счастья лови,
Когда леса полны напевом (С. 399).

Водные обольстительницы призывают к себе девушек «сквозь зелень осоки», охотники находят «приют прохлады лесной». Все эти детали характеризуют конец весны – начало лета и отбираются автором целенаправленно. Так, не случайно употребление слова «трав». Наши предки верили, что, выходя на землю, русалки прятались не только на деревьях и в ржаных полях, но и в траве. Считалось, что травы, собранные утром, сохраняют в себе целительные свойства русалок целый год. Оправдано и указание «осоки», ведь она встречается повсеместно в лесной зоне по сырым и избыточно увлажненным местам (болотам, берегам водоемов). Многие ее виды цветут в июне – июле, что опять-таки отсылает к «зеленой неделе». В такой период вегетативного расцвета природы

Душа готова мир обнять,
И без тревоги, без усилья
Ее несут молодые крыльца,
Лелеет жизни благодать (С. 399).

Согласно народным представлениям и «весеннему» творчеству поэта, ощущение «жизни благодати» возможно лишь в весенне-летний календарный период.

В Русальную неделю, а также в ночь под Ивана Купала (24 июня – по старому стилю) русалки являются людям и делаются для них опасными. Девушек из либретто А. Фета русалки «хотели в пучину сманить за собой». Водные девы изображаются поэтом в их активной форме: они находятся в нашем мире (на воде, над рекой), обращаются к людям («они издевались над грустной землей, / Нам полное счастье суля в глубине»), вредят путникам. Считается, что в это время русалки стараются очаровать человека и унести его в свое водяное жилище. Излюбленным приемом у русалок является пение. В народных текстах читаем: «Ходили мы как-то по черемуху <...>. Вдруг видим: как будто паром плывет и не паром будто. А на том пароме гребут веслами и песни поют. Присмотрелись мы и видим женщин во всем белом. А волосы длинные они гребнями чешут, а сами то песню запоют, то вдруг как засмеются»; «Ребятишками мы тогда еще были. Сидели на берегу. Темно уж было. Глядь, а на той стороне реки девка идет и поет. Потом всплеск слышим, и плывет она на этот берег. Вышла из воды, вся черная. Села на камень, волосищи длинные распустила и давай чесать, а сама поет» (подчеркнуто авт. – Т.Ф.)³³.

Это находит отражение в тексте А. Фета. Либретто начинается авторской ремаркой: «Пение наяд на воде». Девушки рассказывают:

Русалок мы встретили здесь над рекой,
Нас пеньем и взором манили оне (С. 400).

Хор поет:
Волна кипит,
Из волн манит
Напев! (С. 398).

«В Воронежской да, впрочем, в Малороссии и в других губерниях, обильных водами, есть поверье, что русалки до того обаятельно поют, что слушатель готов внимать их пению несколько лет, не сходя с места»³⁴. Столь же обольстительны и русалки А. Фета. Девушки восклицают:

Послушай, как чудесен
Мотив волшебных песен (С. 402).

Водные девы Фета пытаются очаровать людей, раскрывая прелести своего существования³⁵:

Земля ваша счастьем скудна, безответна,
А полное счастье в зыбях лишь живет (С. 398).
Они издевались над грустной землей,
Нам полное счастье суля в глубине! (С. 400).

Но А. Фет называет их счастье призрачным: «их радость обманчива, счастье лениво, их муки волна прикрывает ревниво» (С. 400). Это утверждение выглядит справедливым. Ведь, по народным представлениям, русалки обречены всю жизнь скитаться по земле. Народные тексты так это поясняют: «Когда их (умерших на Русальной неделе и незамужних девушек. – Т.Ф.) хоронят, то не плачут, что умерла, а плачут, что будет ходить всю жизнь русалкой. Душа у них уже не будет в земле, а будет ходить по свету»³⁶. Большую долю времени русалки вынуждены проводить под водой, в пучине. Как видим, А. Фет воплощает в образе Людмилы двойственную жизнь русалок, обратную сторону их русалочьего счастья. Именно потому, что русалки не могут обрести покой, они мстят людям. Очень в редких случаях встреча с русалкой заканчивается для человека удачно, в большинстве

кто пойдет
За ним (напевом. – Т.Ф.), умрет...
На лоне спокойном таинственных вод
Волна нас охватит и в глубь унесет (С. 398).

А.Н. Афанасьев уточняет: «По русским повериям, всякий, кто увидит русалку или услышит манящие звуки ее голоса, поддается неодолимому обаянию ее красоты, кидается в волны и тонет – при злобном хохоте водяных дев»³⁷. Именно это смертоносное действие позволяет причислить русалок к разряду демонологических персонажей.

Обитая на месте своей смерти, русалки имеют возможность всплывать. Фольклорные источники различно указывают время, когда они могут выходить из воды и быть видимыми для людей. Говоря о времени суток, особенно выделяют полночь; большинство указывает на то, что русалки выходят на берег при лунном свете³⁸, но есть мнения, что на землю их выпускает заря. Так, Н. Маркевич писал об украинских русалках: «Ру-

салки – водяные красавицы; <...> всего чаще их вызывает на землю заря»³⁹. Видимо, знакомый с различными фольклорными материалами, А. Фет (в отличие от большинства предшественников) использовал сведения об утреннем появлении русалок над водой. В тексте это обнаруживается в эпитете «утреннем», а также в созданной автором атмосфере утреннего пробуждения природы.

В отличие от других поэтов, А. Фет разрабатывает Русалии как «зеленые Святки», время, когда на земле активизируются не только русалки, но и всякая другая нечисть. Это находит свое воплощение в образе таинственного «юного витязя», водяного, лешего.

Образ «белого витязя» можно трактовать по-разному: покойник, вампир, оборотень, водяной – но все варианты отсылают к источникам о женихе-мертвце⁴⁰. Г. Дестунис отмечает в своей работе: «У многих народов есть песня или сказка, в которой изображен брат (или жених), выступивший из могилы и приехавший за пережившей его сестрою (или невестой). Это предание в прошедшем столетии сделалось предметом одной из баллад Бюргера, а с 20-х годов нашего века стало занимать исследователей былевой старины»⁴¹. Вслед за А.Н. Веселовским⁴², автор выделяет и обосновывает национальные истоки данного образа. Считаем, что «юный витязь» А. Фета ориентирован и на немецкую традицию Бюргера, и на русские представления о женихе-мертвце.

Данный образ является аллюзией на жениха Людмилы из одноименной баллады В.А. Жуковского. Между этими двумя персонажами много общего. Витязь А. Фета появляется «поздней ночью... при луне», суженый Людмилы В. Жуковского – когда «месяц величавый / Встал над тихою дубравой», когда «спят пригорки отдаленны, / Бор заснул, долина спит / Чу!.. полночный час звучит». Жених Жуковского («Мы коней своих седлаем, / Темны кельи покидаем!») и «белый витязь» А. Фета приезжают на конях, что отсылает к традициям русской тризны⁴³. Такое сравнение позволяет сделать вывод о том, что «белый витязь» А. Фета – душа неживая, «заложный покойник». В нашем случае вернее всего предположить, что им выступает водяной. Образ водяного пронизывает «страшную повесть» охотника:

Под нею, слышно, омут
Сам вырыл водяной (С. 400).

Согласно словарю «Славянская мифология», «водяной – один из главных представителей славянской демонологии, хозяин водных пространств. Живет в глубоких местах, особенно в омутах»⁴⁴. Важно то, что авторы отмечают способности водяного к оборотничеству – «он становится бревном, мертвецом, превращается в рыбу (сома, карпа, щуку), лошадь, свинью, корову, собаку»⁴⁵. А. Фет называет витязя «белым», связывая его образ с умершими душами. Как известно, белый цвет на Руси считался символом

траура, похоронного одеяния (отметим еще раз – витязь весь в белом). Не случайно поэт выбирает и время активности этого персонажа: «явился при луне поздней ночью», а «с зарею все пропало»⁴⁶ (С. 401-402). Связь водяного-мертвеца с луной и его особая активность в лунные ночи косвенно подтверждает его происхождение из утопленников. Согласно общеславянским верованиям, утопленники выходят из воды в лунные ночи и скитаются по земле до рассвета, навещая людей. Мы считаем, что «юный витязь» А. Фета – это водяной-утопленник, оживший под воздействием лунных лучей, явившийся в замок с целью заполучить Людмилу в жены. Общеизвестно, что водяные женятся на красивых утопленницах, ставших русалками. Водный царь заманил Людмилу в свои чертоги, назначил ее царицей русалок, а на замок напустил

Днепра сильнее ропот
И волн страшной прибой⁴⁷ (С. 402).

Согласно народным представлениям о жизни всякого рода упырей, «с зарею», с первыми лучами солнца, их демонические функции ослабевают, они становятся безопасными для людей. Хор из либретто А. Фета упоминает общеславянский оберег от разной нечисти – солнечные лучи:

Чего страшиться?
Пускай река клокочет,
Мы далеко от бед!
Чего страшиться?
Здесь сердце счастья хочет!
Здесь греет солнца свет! (С. 398).

Употребление слова «здесь» всегда ассоциативно домысливает слово «там». «Здесь» и «там» – важные понятия для всего творческого контекста А. Фета⁴⁸. В либретто они означают «наш мир» и «мир русалок, водяных и другой нечисти». Автор пытается их противопоставить и отмечает, что наш мир

На радость дан,
А если где и ждет преграда,
На небе страждущих награда –
Душевных исцеленье ран! (С. 399).

Такое мировосприятие отсылает нас к традиции осмысления жизни после смерти, основанной на христианской доктрине⁴⁹.

Взаимодействие этих двух миров (мира живых и мертвых) возможно в «нечистую часть календарного цикла»: Святки и Русалии. Именно в эти сроки на земле присутствуют многие демонологические существа: русалки, водяные, кикиморы, лешие⁵⁰. Последний персонаж народных быличек также упоминается в либретто А. Фета:

Разудалая голова –
Царем в лесу живет,
Ему все в мире трын-трава (С. 399).

Согласно книге «Абевега русских суеверий...» М. Чулкова, «лесным царем в славянской мифологии является леший»⁵¹. Н. Мендельсон

записал в Рязанской губернии следующий рассказ: «К кабатчику ночью пришел мужчина в звериной шкуре и с толстой дубинкой. Выпил водки и пошел. Кабатчик вышел и увидел зверье. На его вопрос мужчина сказал: “Это я товарищу в карты проиграл и теперь иду долг платить”. – “А ты кто такой будешь?” – “Я царь лесной”» (подчеркнуто авт. – Т.Ф.)⁵². Наименование «лесной царь» встречается в русском заговоре, чтобы с людьми в лесу ничего не случилось. «Надо положить на пень кусок хлеба, завернутый в тряпочку, и сказать: «Царь лесной, царица лесовица, прими ты наш подарок и низкий поклон»⁵³. Интересно, что упоминание о лешем в произведении А. Фета встречается в песни охотников. Как известно, чаще всего «с лешим приходилось сталкиваться охотникам. Без договора с ним охотник не только не мог рассчитывать на добычу, но и подвергал себя серьезной опасности – в лучшем случае он оставался без добычи, в худшем его ждала смерть»⁵⁴.

Считалось, что ходящих по лесу людей лешаки обходят кругом, чем заставляют их петлять и принуждают заблуждаться до ночи. Чтобы разрушить их чары, охотники А. Фета прибегают к традиционной магической иносказательной речи: «Го, го, го, го! <...> Тара, тара, тара! Го, го! Го, го! Тара, тара, тара!» (С. 399). Наши предки верили, что она отпугивает лешаков.

Итак, рассматриваемое произведение является результатом пересечения многих литературных, музыкально-драматических и народных традиций. Оно (и формой, и содержанием) ориентировано на уже имеющиеся в культурном фонде образцы. Так, во многом похожи внешние портреты фетовской Людмилы, Русалки А.С. Пушкина, Горпинки О.М. Сомова, молодой панночки Н.В. Гоголя, одинаково манит напев их волшебных песен, сулящих вечное счастье, во многом схожа их жизнь в подводном царстве. На этом сходства заканчиваются. Отметим, что указанные слагаемые русалочного образа более характерны для литературной традиции.

Либретто «Днепровские русалки» открывает хорошее знание поэтом народной прозы. Все его персонажи, отсылающие к низкой славянской демонологии (Людмила – русалка, жених-мертвец, водяной и леший), выстраиваются на основе мотивов народных быличек.

Такому повествованию соответствует выбранная автором форма либретто. Автор выстраивает свой текст как «рассказ в рассказе», чтобы подчеркнуть, с одной стороны, таинственность, необычность «страшной истории», с другой – чтобы разграничить мир реальный и ирреальный, мир людей и мир упырей, с третьей – «страшная история» одного из охотников соответствует традициям устного бытования народных быличек. В этом случае рассказ охотника строится не только по законам балладного жанра, но и имеет характеристические признаки народной былички:

это рассказ очевидца или пересказ того, что было действительно услышано от очевидца, история включает в себя многих демонологических персонажей, упоминание о том, что они вступали в контакт с людьми.

Таким образом, глубоко проникая в эстетику фольклора, А. Фет не просто «вкраплял» фольклорные элементы на страницы своих произведений, они становились органической частью его поэтической и эстетической системы в целом, определяли композицию не только его отдельных произведений, но и прочно вошли в художественный арсенал поэта.

Примечания

- ¹ Новонайденное либретто А. Фета «Днепровские русалки» (публикация М.Д. Эльзона) // Русская литература. 1989. № 1. С. 163–165.
- ² *Фет А.А.* Собрание сочинений и писем. Стихотворения и поэмы 1839–1863 гг. / Ред. В.А. Кошелев, Н.П. Генералова, Г.П. Петрова. СПб., 2002.
- ³ *Блок Г.П.* Рождение поэта. Повесть о молодости Фета. Л., 1924. С. 71.
- ⁴ Там же. С. 82.
- ⁵ «Бенефис Щепкина состоялся 31 января 1841 г. в Большом театре. Разыграны были три комедии, потом был дивертисмент: пели русские песни, танцевали английскую кадрили и качучу. О водевиле Фета помину не было». (Там же. С. 72).
- ⁶ «Лежа в больнице пришло мне в голову написать Водевил. Вот я и написал, да и шлю его к тебе. А ты отдай его немедленно в театральную цензуру. Разумеется, я не подписал имени, и если спросят, то напиши сочинил Сквозник-Мухановский да и все тут. Я надеюсь рублишек 200 слупить со Щепкина, он нуждается к бенефису, так если хочешь мне угодить, вороти его мне поскорей. Если куплеты похабные не пропустят – то я на особом месте шлю тут же псевдо – куплеты, которые ты, в случае духовной смерти первых, законных, усынови на тех же местах, которые будут показаны в приложенном листке. А что далее вычеркнет кровавая цензура, то пусть пропадет. Только во всяком случае как можно поторопись прислать его retro». (Там же. С. 70).
- ⁷ *Померанцева Э.В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. С. 91.
- ⁸ *Кайсаров А.С.* Славянская и российская мифология. М., 1810. С. 164.
- ⁹ Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1990. С. 383–384.
- ¹⁰ Здесь и далее текст либретто цитируется по: *Фет А.А.* Собрание сочинений и писем. Стихотворения и поэмы 1839–1863 / Ред. В.А. Кошелев, Н.П. Генералова, Г.В. Петрова. СПб., 2002. В скобках указывается номер страницы.
- ¹¹ *Чулков М.Д.* Словарь русских суеверий. СПб., 1782. С. 262.
- ¹² Мифологический словарь. С. 548.
- ¹³ Народные тексты цит. по: *Левкиевская Е.* Мифы русского народа. М., 2000. С. 233–234.

- ¹⁴ Словарь «Мифы народов мира» дает два значения этого слова: «1. Мара (маруха, мора, кикимора) в славянской мифологии злой дух, первоначально, как и марена, воплощение смерти, мора. Позднее Мара отчасти утратила связь со смертью, но сохранила свой вредный для человека характер, способность к оборотничеству; 2. Мара, в низшей мифологии народов Европы злой дух, воплощение ночного кошмара». Интересно, что Мара восходит к Марене, которая «в славянской мифологии связана с воплощениями смерти, с сезонными ритуалами умирания и воскресения природы, а также с ритуалами вызывания дождя». Последние компоненты мифологического образа напрямую отсылают его к русалочьим представлениям. См.: Мифы народов мира: Энцикл.: В 2 т. 2-е изд. М., 1998. Т. 2: К – Я. С. 110–111.
- ¹⁵ Народная проза / Сост., вступ. ст., подготовка текстов и коммент. С.Н. Азбелева. М., 1992. С. 423.
- ¹⁶ Подробнее см.: *Виноградова Л.Н.* Мифологический аспект полесской «русальной» традиции // *Славянский и балканский фольклор*. М., 1986. С. 88–133.
- ¹⁷ Теоретик романтизма О.М. Сомов подобным же образом описывает Горпинку, ставшую впоследствии русалкой («Русалка» 1829 г.): «И подлинно дочь <...> росла, как молодая черешня, высока и стройна; черные ее волосы, заплетенные в дрибушки, отливались как вороховое крыло под разноцветными скиндячками, большие глаза ее чернелись и светились тихим огнем, как два полуистухших угля, на которых еще перебегали искорки. Бела, румяна и свежа, как молодой цветок на утренней заре». Молодая панночка Н.В. Гоголя до того, как стать русалкой, была «белая, как снег». Тексты О.М. Сомова цит. по: *Сомов О.М.* Были и небылицы / Сост., вступ. ст. и примеч. Н.Н. Петруниной. М., 1984. С. 136.
- ¹⁸ *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифологическими сказаниями других родственных народов: В 3 т. М., 1995. Т. 3. С. 122.
- ¹⁹ Данное народное представление нашло отражение и в других литературных произведениях пер. половины XIX в. Одна из русалок А.С. Пушкина напоминает другой: «Нет, пора, пора, пора: / Ожидает нас царица, / Наша строгая сестра». Кроме этого автор указывает в ремарке: «Днепровское дно. <...>. Русалки прядут около своей царицы» (подчеркнуто авт. – Т.Ф.). Цит. по: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 5. Л., 1978. С. 381. Н.В. Гоголь указывает в повести «Майская ночь, или Утопленница»: «Старухи выдумали, что с той поры все утопленницы выходили в лунную ночь <...>, а Сотникова дочка сделалась над ними главною» (подчеркнуто авт. – Т.Ф.). Цит. по: *Гоголь Н.В.* Повести. М., 1977. С. 63.
- ²⁰ Подробнее см.: Одесский альманах на 1831 год. Одесса, 1831. У А.С. Пушкина представлен наказ старшей русалки не трогать людей: «Плывите вверх под небом поиграть, / Да никого не трогайте сегодня, / Ни пешехода щекотать не смейте, / Ни рыбакам их невод отягчать / Травой и тиной, ни ребенка в воду / Заманивать рассказами о рыбаках». Цит. по: *Пушкин А.С.* Указ. соч. С. 383.
- ²¹ В хрустальных чертогах живут Русалка А.С. Пушкина, Горпинка О.М. Сомова, русалки В.А. Жуковского.
- ²² *Афанасьев А.Н.* Указ. соч. Т. 3. С. 123.
- ²³ *Берковский Н.* Народно-лирическая трагедия Пушкина («Русалка») // *Русская литература*. 1958. №1. С. 84.
- ²⁴ Заметим, что пушкинская Русалка, Горпинка О.М. Сомова – тоже обитательницы Днепра.
- ²⁵ *Волошина Т.А., Астапов С.Н.* Языческая мифология славян Ростов/на Д, 1996. С. 187.
- ²⁶ Там же. С. 185–187.
- ²⁷ Цит. по: *Левкиевская Е.* Указ. соч. С. 237.
- ²⁸ См.: *Грушко Е.А., Медведев Ю.М.* Словарь славянской мифологии. Н. Новгород, 1995. С. 265.
- ²⁹ Э.В. Померанцева отмечает: «русалки – единственный образ так называемой низшей мифологии, к которому обращается восточнославянская лирическая песня». *Померанцева Э.В.* Указ. соч. С. 79.
- ³⁰ *Терещенко А.В.* Быт русского народа. Ч. II. СПб., 1848. С. 129. Подробнее см.: *Виноградова Л.Н.* Что мы знаем о русалках? // *Живая старина*. 1994. № 4. С. 28–31.
- ³¹ Наиболее ярко эта сущность русалочьего образа отразилась в произведении О.М. Сомова: «В последний день зеленой недели, когда солнце шло на полдень, она (мать Горпинки. – Т.Ф.) пошла в чащу леса, отыскивала там поляну <...>. Вдруг раздался шум: с гиканьем и ауканьем, быстро, как вихрь, помчалась через поляну несчетная вереница молодых девушек; все они были в легкой, сквозящей одежде, и на всех были большие венки, покрывавшие все волосы и даже спускавшиеся на плеча <...>. Проходит день, настает ночь – Горпинка сидит по-прежнему, мертва и неподвижна. <...>. Прошел и год: все так же без движения и без признаков жизни сидела мертвая. Настала и зеленая неделя. На первый день, около полуденного часа <...> раздалось гиканье и ауканье и скорый шорох шагов. <...>. Лицо Горпинки вдруг страшно оживилось, синета исчезла, глаза засверкали, какая-то неистовая и как бы пьяная улыбка промелькнула на губах. Она вскочила, трижды плеснула в ладоши и, прокричав: «Наши, наши, наши!» – пустилась, как молния, за шумною толпою и след ее пропал!». Цит. по: *Сомов О.М.* Указ. соч. С. 142.
- ³² *Левкиевская Е.* Указ. соч. С. 239–240.
- ³³ Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зинovieв. Новосибирск, 1987. С. 51–52.
- ³⁴ *Сахаров Н.* Сказания русского народа. СПб., 1841. С. 212.
- ³⁵ Это русалочье счастье находит полную характеристику в «Русалке» О.М. Сомова: «Мать, отпусти меня погулять по лесу, покататься на зеленой неделе и снова погрузиться в подводные наши селения. Знаю, что ты тоскуешь, ты плачешь обо мне: кто же тебе мешает быть со мной неразлучно? Брось напрасный страх и спустись к нам на дно Днепра. Там весело! Там легко! Там все молодеют и становятся так же резвы, как струйки водяные, так же игривы и беззаботны, как молодые рыбки. У нас и солнышко сияет ярче, у нас и утренний ветерок дышит привольнее. Что в вашей земле? Здесь во всем нужды: то голод, то холод; там мы не знаем никаких нужд, всем довольны, плещемся водой, играем радугой, ищем по дну драгоценностей и ими утешаемся. Зимой

- там тепло подо льдом как под шубой; а летом, в ясные ночи, мы выходим греться на лучах месяца, резвимся, веселимся и для забавы часто шутим над живыми. Что в том беды, если мы подчас щекочем их или уносим на дно реки? Разве им оттого хуже? Они становятся так же легки и свободны, как и мы сами. Мать! Отпусти меня: мне тяжело, мне душно будет с живыми!». (Сомов О.М. Указ. соч. С. 141). Этот же мотив встречается у В.А. Жуковского в балладе «Рыбак»:
- Глядит она, поет она:
Зачем ты мой народ
Манишь, влечешь с родного дна
В кипучий жар из вод?
Ах! Если б знал, как рыбкой жить
Привольно в глубине,
Не стал бы ты себя томить
На знойной вышине.
- Тексты В.А. Жуковского цит. по: Жуковский В.А. Баллады. Поэмы и сказки / Предисл. К. Пигарева. М.: Правда, 1982. С. 138.
- ³⁶ Левкиевская Е. Указ. соч. С. 233.
- ³⁷ Афанасьев А.Н. Указ. соч. Т. 3. С. 127.
- ³⁸ В русской литературе 1-ой пол. XIX в. преобладала тенденция в изображении всплытия русалок при лунном свете. Так, в драме А.С. Пушкина «Русалка» героини поют: «Веселую толпою / С глубокого дна / Мы ночью всплываем, / Нас греет луна. / Любо нам порой ночью / Дно речное покидать, / Любо вольной головою / Высь речную разрезать». Отправляя русалок на землю, старшая говорит им: «Солнце село. / Столбом луна блестит над нами. Полно, / Плывите вверх под небом поиграть» (Пушкин А.С. Указ. соч. С. 378). «Старухи выдумали, – пишет Н.В. Гоголь в повести «Майская ночь, или Утопленница», – что с той поры все утопленницы выходили в лунную ночь в панский сад греться на месяце» (подчеркнуто авт. – Т.Ф.). Цит. по: Гоголь Н.В. Указ. соч. С. 63.
- ³⁹ Цит. по: Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века. М.; Л., 1957. С. 88.
- ⁴⁰ См. основные работы по данному мифологическому образу: Сазонов И. Русские варианты сказки о женихе-мертвце // Русский филологический вестник. 1890. Т. 24. №4; Веселовский А.Н. К народным мотивам баллады о Леноре // Журн. Министерства Народного Просвещения. 1885. Ноябрь.; Дестунис Г. Сказания о брате-мертвце или женихе-мертвце. СПб., 1886.
- ⁴¹ Дестунис Г. Указ. соч. С. 74.
- ⁴² См.: Веселовский А.Н. К народным мотивам баллады о Леноре // Журн. Министерства Народного Просвещения. 1885. Ноябрь.
- ⁴³ «Конь – в народной традиции одно из наиболее мифологизированных животных. Он воплощал связи с миром сверхъестественного, “тем светом”, был атрибутом мифологических персонажей, связан одновременно с культом плодородия, смертью и погребальным культом. По археологическим данным конь был главным жертвенным животным на похоронах, проводником на тот свет». Именно поэтому жених-мертвец является ночью на коне. Подробнее см.: Конь // Славянские древности: Этнолингв. словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М.: Изд-во Междунар. отн., 1999. С. 590–594.
- ⁴⁴ Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 98.
- ⁴⁵ Там же. С. 98–99.
- ⁴⁶ Е. Левкиевская уточняет: «Время водяного полдень, после захода солнца, полночь, а также при луне» (Левкиевская Е. Указ. соч. С. 342).
- ⁴⁷ Наши предки верили, что водные ресурсы находятся во власти водяного (водяника) царя, что он может проиграть в карты, продать, отдать в приданное дочери, может замедлить и ускорить их ток. См.: Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах / Сост. С. Айвазян // Померанцева Э.В. Указ. соч. С. 162–183.
- ⁴⁸ Подр. см.: Зозуленко Е. «Здесь» и «там» у Фета и Блока // Вопросы литературы и фольклора. Содержательность художественных форм. Алматы, 1994. С. 81–84.
- ⁴⁹ Данная проблема находит свое разрешение в работе: Канунова Ф.З., Айзикова И.А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840). Новосибирск, 2001. Утверждение А. Фета о небе как «награде страждущих» отсылает к балладе В.А. Жуковского «Людмила». Мать, успокаивая дочь, говорит:
- «О Людмила, грех роптанье;
Скорбь – создателя посланье;
Зла создатель не творит;
Мертвых стон не воскресит»;
«Дочь, вспомни смертный час;
Кратко жизни сей страданье;
Рай – смиренных воздаянье,
Ад – бунтующим сердцам;
Будь послушна небесам» (Жуковский В.А. Указ. соч. С. 14–15).
- ⁵⁰ В творческом наследии А. Фета есть стихотворение, посвященное лешему – «К лешему» (1840 г.). В данном произведении поэт разрабатывает народные представления о том, что леший путает в лесу людей, заставляет их забираться в лесные чащобы, непроходимые места. Лирический герой обращается к лешему, чтобы он заманивал вглубь леса красавиц:
- На мшистом старом пне, скрестив кривые ноги,
И вещей наготой блистая меж деревьев,
Ты громче хохочи и смешивай дороги,
Когда красавица зайдет в твой темный лес.
- Отметим, что согласно М. Чулкову, «лешие – великие охотники до женского пола». См.: Чулков М. Абевера русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и пр. М., 1786. С. 233.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Цит. по: Померанцева Э.В. Указ. соч. С. 30. В данной работе Э.В. Померанцева указывает: «Сравнительно поздний по своему происхождению антропоморфный образ русского лешего очень сложен и сочетает в себе элементы разных культов, однако черты повелителя лесного хозяйства действительно в нем доминируют». С. 29.
- ⁵³ Левкиевская Е. Указ. соч. С. 326.
- ⁵⁴ Там же. С. 330.